

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ ИСПАНИИ XVII ВЕКА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

<https://doi.org/10.70728/phil.v05.i03.094>

Гузал Тохировна Зарипова
Навоийский университет инноваций

Аннотация: В статье рассматривается историко-культурная ситуация Испании XVII века в контексте кризиса абсолютистской монархии, социально-экономической дестабилизации и усиления религиозной ортодоксии эпохи Контрреформации. Анализируются особенности испанского барокко как художественной системы и его влияние на развитие поэзии, драматургии и прозы. Особое внимание уделяется эстетике культизма и концептизма, проблематике чести (*honra*), иллюзорности бытия и философии «театра мира». Исследуется взаимосвязь политико-идеологических процессов и литературного сознания, выявляется специфика национальной модели барокко в сравнении с общеевропейской тенденцией. Делается вывод о том, что литература XVII века выступила формой рефлексии над кризисом имперской идентичности и трансформацией гуманистической парадигмы.

Ключевые слова: Испания XVII века, барокко, Контрреформация, Золотой век, гонгоризм, концептизм, театр мира, проблема чести, пикарескный роман

THE HISTORICAL AND CULTURAL SITUATION OF SPAIN IN THE 17TH CENTURY AND ITS REFLECTION IN LITERATURE

Guzal Tokhirovna Zaripova
Navoi University of Innovations

Abstract: This article examines the historical and cultural situation of seventeenth-century Spain within the broader context of political decline, socio-economic crisis, and the strengthening of Catholic orthodoxy during the Counter-Reformation. Particular attention is paid to the formation of Spanish Baroque as a dominant aesthetic system and its reflection in poetry, drama, and prose. The study analyzes the stylistic confrontation between culteranismo (Gongorism) and conceptismo, the transformation of the Renaissance humanist paradigm, and the philosophical concept of *theatrum mundi* as articulated in Golden Age drama. The works of Luis de Góngora, Francisco de Quevedo, Lope de Vega, Pedro Calderón de

la Barca, and Miguel de Cervantes are considered as key manifestations of the epoch's literary consciousness. The article argues that Spanish literature of the seventeenth century functioned as an intellectual response to the crisis of imperial identity and as an artistic reinterpretation of political and spiritual instability.

Keywords: Seventeenth-century Spain; Spanish Baroque; Counter-Reformation; Golden Age; culteranismo; conceptismo; theatre of the world; honor; picaresque novel

Историко-литературная рамка: от Ренессанса к барокко. Переход от Ренессанса к барокко в европейской, и особенно в испанской литературе, представляет собой не резкий разрыв, а глубокий цивилизационно-эстетический сдвиг, в ходе которого гуманистическая модель мира подвергается внутреннему пересмотру и драматическому усложнению. Ренессансное мировоззрение, основанное на вере в разумную упорядоченность бытия, гармонию человека и космоса, автономность личности и ценность земного опыта, к концу XVI века сталкивается с исторической реальностью, которая последовательно разрушает эти основания. Человек сохраняет ренессансную форму мышления, но утрачивает уверенность в его действенности, и именно в этом противоречии рождается барочное сознание.

В Испании данный переход приобретает особенно напряжённый характер. Внешнее могущество империи, достигшей апогея территориального и политического влияния, скрывает внутренние процессы экономического истощения, социального расслоения и моральной усталости общества. Имперский миф продолжает функционировать, но уже не как живая историческая реальность, а как идеологическая конструкция, требующая постоянного подтверждения через ритуал, символ и художественную репрезентацию. Литература в этих условиях утрачивает иллюзию прямого отражения действительности и всё более осознаёт себя как пространство *интерпретации, маскировки и метафизического комментария*.

Решающую роль в формировании барочного мировидения играет контр реформационная идеология, задающая жёсткие рамки духовной и эстетической дисциплины. Ренессансный человек мыслил себя центром мироздания, способным постигать истину через разум и опыт; барочный человек ощущает себя существом, помещённым между земным хаосом и трансцендентным порядком, доступ к которому возможен лишь через символ, аллегорию и веру. В этом контексте усиливается интерес к темам предопределения, греховности, бренности бытия, иллюзорности земных ценностей. Искусство перестаёт быть сферой свободной игры форм и становится *пространством напряжённого*

диалога между свободой и подчинением, видимостью и сущностью, жизнью и смертью.

Барокко наследует Ренессансу культ формы и риторическую изощрённость, но наполняет их иным смыслом. Гармония уступает место контрасту, ясность парадоксу, устойчивость динамике. Мир больше не воспринимается как логически организованное целое; он предстаёт как изменчивый, текучий, «перевернутый», подчинённый игре случайностей и скрытых сил. Отсюда возникает характерное для барокко ощущение театральности бытия: жизнь мыслится как представление, в котором человек исполняет навязанные роли, не всегда осознавая их истинный смысл. Театр становится не просто жанром, а *универсальной моделью мира*, позволяющей выразить нестабильность человеческого существования.

В литературе этот сдвиг проявляется в радикальном усложнении художественного мышления. Барочный текст стремится не к прямоте и прозрачности, а к многослойности, символической плотности, интеллектуальному напряжению. Он требует от читателя активного соучастия в процессе смыслообразования, поскольку истина в нём не даётся напрямую, а раскрывается через аллегорию, антитезу, риторический излом. Человек изображается не как цельная и гармоничная личность, а как *противоречивое существо*, разорванное между желаниями и долгом, верой и сомнением, социальной маской и внутренней пустотой.

Переход от Ренессанса к барокко следует понимать как *смену антропологической парадигмы*. Ренессанс утверждает человека как меру всех вещей; барокко проблематизирует саму возможность такой меры. Литература становится пространством философского беспокойства, где художественная форма служит не утверждению гармонии, а исследованию кризиса, сомнения и экзистенциальной нестабильности. В этом смысле барокко не отрицает Ренессанс, а продолжает его на новом уровне - уровне трагического самосознания культуры, утратившей простые ответы, но обретшей глубину и интеллектуальную сложность.

Феномен Лопе де Вега в истории испанской литературы Золотого века следует рассматривать не только как выдающееся индивидуальное дарование, но прежде всего как системообразующую фигуру культурного перехода от ренессансной нормативности к барочной динамике. Его жизненный путь и художественная практика демонстрируют редкое совпадение биографии, социальной интуиции и поэтической формы, что позволяет говорить о Лопе де Вега как об «инженере» театральной системы нового типа, чьё творчество отвечает на глубокий кризис гуманистической модели мира.

Народно-героическая драма Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна» занимает особое место в испанской драматургии «золотого века», поскольку в ней историческое событие превращается в модель коллективного нравственного действия. Обращение к восстанию крестьян 1475-1476 гг. позволяет драматургу осмыслить природу власти, пределы терпения и формы общественной солидарности в условиях феодального произвола. Историческая дистанция при этом служит художественным экраном, за которым проступают острые социальные противоречия эпохи самого Лопе де Вега.

Фигура командора Фернана Гомеса де Гусмана воплощает тип феодального властителя, утратившего связь с идеей справедливости. Его власть держится на страхе, телесном насилии и сословной спеси. О нём говорят как о человеке, который *«с небывалым произволом... держит подданных своих в нужде и тяжком угнетенье»*. Сам командор открыто выражает презрение к крестьянам, считая их существами, предназначенными лишь для физического труда: *«Там людям впору скот пасти да землю рыть, а не сражаться»*. Это высокомерие лишает его способности увидеть в общине носителя воли и силы.

В драме отчетливо выстраивается система нравственных координат, в рамках которой понятие чести утрачивает сословную замкнутость и приобретает универсальный характер. Крестьянская среда осмысляет честь как внутреннее достоинство и ответственность перед ближними. В одном из ключевых диалогов звучит мысль, подрывающая привилегированное понимание благородства:

*Иные носят крест кровавый,
А кровь у них, коль их поскресть,
Мутнее нашей.*

Эта реплика фиксирует нравственный перевес простого человека над носителями титулов и орденских знаков.

Центральным действующим лицом пьесы становится народ Фуэнте Овехуны, представленный как сообщество личностей, связанных общей судьбой. Лопе де Вега последовательно показывает путь крестьян от покорности к осознанию невозможности дальнейшего терпения. На сходке звучат сомнения, страх перед властью, опасения перед последствиями, однако постепенно формируется понимание предела допустимого:

*Один король властитель после бога,
А не зверье во образе людей.*

Так формулируется нравственная граница, за которой власть утрачивает легитимность.

Особое значение приобретает образ Лауренсии, чья личная трагедия перерастает в коллективное обвинение. Насилие, пережитое ею, разрушает

привычный порядок молчания. Ее знаменитая речь, обращенная к мужчинам селения, становится моментом нравственного взрыва:

*Трусишки, заячье отродье!
Несчастные! Вы ваших жен
Чужим мужчинам отдаете!*

В этих словах личное страдание преобразуется в публичный суд над социальной пассивностью. Лауренсия берет на себя роль инициатора действия и вовлекает в борьбу даже тех, кто до этого колебался.

Любовная линия Лауренсии и Фрондосо разворачивается в тесной связи с социальной проблематикой. Их чувство наполнено тревогой, ответственностью и готовностью к жертве, что особенно ясно выражено в лирическом монологе героини:

*Любить, душой тревожась о любимом, -
Тягчайшая из всех любовных мук.*

Эта эмоциональная глубина подчеркивает нравственную зрелость персонажей крестьянского мира.

Кульминацией драмы становится сцена королевского следствия. пытки, которым подвергаются жители деревни, обнажают жестокость репрессивного механизма. Судья *«триста человек подряд пытал упорно и сурово»*, однако насилие оказывается бессильным перед коллективной солидарностью. Ответ на вопрос о виновнике убийства звучит неизменно: *«Фуэнте Овехуна»*. Эта формула превращается в символ общинного единства и отказа от индивидуального предательства. Даже судья вынужден признать исключительность происходящего: *«Нет, я не встречал еще таких!»*.

Образ королевской власти в пьесе сохраняет двойственность. Король и королева выступают как высшая инстанция, способная остановить феодальный произвол, однако их решение продиктовано прагматикой, а не признанием народного права на сопротивление. Прощение селения становится следствием невозможности установить личную вину. Благодарность крестьян звучит сдержанно, что подчеркивает напряженность и хрупкость этого союза.

В итоге *«Фуэнте Овехуна»* предстает как драма коллективного субъекта, в которой народ впервые в истории европейского театра осмысливается как носитель нравственной истины и исторической воли. Лопе де Вега соединяет политическую проблематику, психологическую глубину и барочную экспрессию, создавая произведение, где слово общины - *«Фуэнте Овехуна»* - становится формой сопротивления тирании и утверждения человеческого достоинства.

Историко-культурная ситуация Испании XVII века представляет собой уникальное сочетание кризиса государственной системы и высочайшего

художественного подъёма. Барокко становится эстетическим выражением мировоззренческого напряжения эпохи.

Испанская литература XVII столетия оказала значительное влияние на развитие европейской художественной традиции и сформировала оригинальную модель философского осмысления исторической действительности.

Использованная литература

1. Алексеева М. П. История зарубежной литературы Средних веков и эпохи Возрождения : учебник и практикум для академического бакалавриата. Ч. 1 : Средние века. - Москва : Юрайт, 2017. - 318 с.
2. Апенко Е. М. История зарубежной литературы XIX века : учебник для академического бакалавриата. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юрайт, 2017. - 418 с.
3. Безруков А. Н. История зарубежной литературы (Античность, Средние века, Возрождение) : учебное пособие. - Бирск : БФ БашГУ, 2016. - 120 с.
4. Гиленсон Б. А. История зарубежной литературы. Античность : учебник и практикум для вузов. - Москва : Юрайт, 2025. - 190 с. - ISBN 978-5-534-00369-7.
5. Гиленсон Б. А. История зарубежной литературы от античности до середины XIX века : учебник для бакалавров. - Москва : Юрайт, 2014. - 904 с.